

Спектакль я посмотрела дважды. Ощущение — будто видела два разных, по-своему прекрасных спектакля. Новые коротенькие реплики, иная реакция, другие интонации у актеров. Изменены некоторые мизансцены. И от этого — сместились акценты, стал иным рисунок и даже логика игры в пьесе Мольера, где все образы выписаны удивительно

явно. Состояние душевного надлома, когда утрачиваешь веру в созвучное тебе существо, знакомо едва ли не каждому из нас, живущих. Наверное, никогда нельзя предугадать, какой будет ваша внешняя реакция в момент душевного кризиса. И потому, может быть, каждый раз по-иному переживает актер судьбу своего героя.

Замысел интересен. С. Люшин, единственный спектакле, ведет роль в некоем медийном стиле. Задуманно прямолинейно, в лоб преподносит он идею, что все святое — разруσιμο. Что людские блага можно приобрести недорогой ценой. Некомедия в столь праздничном, феерическом, приближенном к стилистике мольеров-

Тартюф, Оргон и другие

О новом спектакле МХАТа

прямолинейно и просто. Хотя не так уж просто и односложно в своей внешней потешности герои спектакля Эфроса.

Анатолий Эфрос на сцене Художественного театра поставил спектакль о драме человека, потерявшего веру, о трагедии праведника, лишившегося духовных благ.

Оргон, каким его играет А. Калягин, иступленно верит в человека добродетельного, сумевшего объяснить ему, в чем вышший смысл бытия. Оргон счастлив от этой любви.

Лишь развлечения ради соглашается подслушать игру Эльмиры с соавратителем (все равно это невозможно!). Но тем сильнее потрясение, тем убийственнее правда.

И снова спектакль. Та же сцена классической комедии Мольера. Калягин — Оргон теперь покидает укрытие иначе. Он трезв, спокоен. Уже не сомневается, что рядом с ним ханжа, предатель. Вместо потрясения — прозрение. Так быстро взял себя в руки, с такой легкостью оправился от обрушившегося!..

Я дважды смотрела спектакль — как будто слушала две разные мелодии на одну тему. Волнение не проходило: где истина? «Нужно посмотреть третий раз», — говорят мне. И опять — что-то новое, неожиданное в спектакле...

То, что пережил Оргон Эфроса и Калягина, ясно и по-

Так непредсказуемо поведение Эльмиры А. Вертинской. Она всякий раз нова в ответ на примитивно-хищное обольщение Тартюфа.

На репетиции «Тартюфа», где довелось мне побывать, актеры откровенно развлекались: строили гримасы, бегали, падали, награждали друг друга шлепками, дарили объятиями. Тогда казалось, они все еще сочиняют, упиваясь комичностью диалогов и ситуаций. Когда спектакль состоялся, я поняла: это режиссер оставляет для актеров сцены, где они могли бы веселиться в ритме мольеровских стихов в стиле театра Пале-Рояль. И как обычные люди переживали бы страсти в предложенных обстоятельствах. И тогда каждый спектакль — репетиция следующего.

Но, чтобы не кривить душой, вероятно, следует сказать: раскованность не каждого актера в спектакле интересна. Тартюфы были всяческими на разных сценах: обрзогший повеса, авантюрист-предприниматель, презрительно-наглый избранник судьбы, активно подлый лицемер. Необычен святоша и у Анатолия Эфроса: холодная, скользкая мышь (не зря актер на сцену выходит в сером бархатном костюме). Он не гнушается мелкими делишками, способен на неприкрытую под-

ского театра, спектакле. Мы не всегда принимаем его рядом со сверкающей игрой А. Калягина и А. Вертинской; темпераментным и характерным Ю. Богатыревым (Клеант), рядом с по-гоголевски узнаваемой А. Степановой (госпожа Пернель) или комичной в своем испуге Е. Королевой (Марианна).

В нынешнем «Тартюфе» фантастически-фарсовая интрига в доме парижанина Оргона разыгрывается под непрерывные взрывы смеха зрителей. Драматизм постигаешь, когда уходишь из зала. А день спустя тянет еще раз посмотреть спектакль — как перечитать хорошую книгу.

Наверняка уместно вспомнить, что для новой постановки комедии Мольера МХАТ пригласил режиссера из Московского драматического театра на Малой Бронной.

— Грешно такого режиссера не приглашать в академический театр, — говорит главный режиссер МХАТа О. Н. Ефремов. — Он являет собой пример определенной режиссуры: жесткая трактовка всего спектакля, образов, сцен, подчинение единому стилю. А это в традициях Художественного театра.

Н. ШЕХТЕР.

На снимке: Оргон — А. КАЛЯГИН, Тартюф — С. ЛЮШИН.

Фото И. АЛЕКСАНДРОВА.

Коссе права, 1991, 20 ноября